

Примечания

1. ГАСО.Ф.286. Оп.3. Д. 2-6, 13-14, 19, 21-23, 25, 32-33, 35,37-39, 41, 52, 53, 55, 56, 63, 67, 71, 81 и др.; Ф. 88. Оп. 8. Д. 1, 5, 7, 12, 14, 17, 27, 44, 47 и др.
2. См. напр.: Чаянов В.А. Крестьянское хозяйство. М., 1989.
3. ГАСО.Ф.88. Оп.8. Д. 47.
4. Там же. Д.82, 119 и др.
5. ГАСО. Ф.286.Оп.3.Д.202.

Русина Ю.А.
Екатеринбург

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИШЕННЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ЗА СВЯЗЬ С РЕЛИГИОЗНЫМ КУЛЬТОМ НА УРАЛЕ В 1920-30-е ГОДЫ (по материалам личных дел)

Проблема лишения избирательных прав граждан СССР в 1920-30-е годы, являясь самостоятельной темой исследования, позволяет раскрыть закономерности формирования и функционирования репрессивного механизма, а также выявить причины политики, направленной на уничтожение различных социальных категорий. В этой связи, если акцентировать внимание на вопросе "за что лишали права участия в выборах", можно определить целый ряд самостоятельных тем, для изучения которых целесообразно привлечение личных дел лишенцев. Так, данная мера ограничения прав отражает определенный этап во взаимоотношениях церкви и государства, учитывая, что одной из категорий лишенцев были лица, связанные с религиозным культом.

В первые дни и месяцы своего существования советское правительство принимает ряд законодательных актов, касающихся церкви. По Декрету о земле церковь лишалась прав собственности на землю. Затем в декабре 1917 года появляется

Декрет о передаче всех церковных школ в Комиссариат Просвещения и аннулируется действенность церковного брака. Наконец, Декрет 20 января 1918 года лишал церковь всего имущества, движимого и недвижимого, и прав владеть им. В 20-е годы государство также неоднократно предпринимало антирелигиозные "походы". Голод 1921-22 годов был использован для организации массового изъятия церковных ценностей. "Мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий" - писал В.И. Ленин В.М.Молотову 19 марта 1922 года (1). Кампания по массовому закрытию церквей и молитвенных зданий развернулась в конце 20-х - начале 30-х годов. Во время первой пятилетки, когда в 1929 году началась борьба против частного предпринимательства, церковь рассматривалась как частное предприятие. Священники, епископы и приходы облагались непомерным налогом. В случае неуплаты налога они могли быть арестованы, а приходы закрывались. Раскулачивание способствовало гибели церкви на селе, т.к. только самостоятельные, более зажиточные крестьяне могли выручить сельского священника, обложенного налогом. Государство стремилось уничтожить церковь экономически, лишая ее имущества и средств дохода. Своеобразному запрету на профессию способствовала, вместе с другими "мероприятиями", политика лишения избирательных прав.

В настоящее время в Государственном архиве Свердловской области на хранении находится 757 личных дел лиц, лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом и 294 дела членов их семей. Дела заводились по факту ходатайства о восстановлении в правах. В связи с этим указанное количество дел нельзя оценивать как общее число лишенцев названной категории. Большинство документов датируется 1928-1936 годами и географически соответствует Уральской и, позже, Свердловской области.

Для изучения материалов данного источникового комплекса применен выборочный метод. В результате исследовано 10% личных дел, отобранных при помощи механического способа выборки.

Анализ документов показывает, что наиболее активно ходатайства о восстановлении в избирательных правах начали поступать в советские органы с 1928 года, а также достаточно интенсивный их поток отмечается в начале 30-х годов. Это связано с квалификацией служителей церкви как "врагов народа", приравниванием их к кулакам и применением к ним определенных репрессивных мер. Имеются случаи, когда лишение избирательных прав произошло в 1921, 1922, 1924 годах, а просьба о восстановлении направлена в начале 30-х годов (2). Время рассмотрения ходатайства могло быть различным: от нескольких месяцев, как это имело место в случае с ошибочным лишением (3), до 6-7 лет (4). В среднем между подачей просьбы и вынесением решения проходило 3-5 лет. За этот период в избирательные комиссии различных уровней от одного человека могло поступить от 5 до 10 заявлений. Как правило, процесс рассмотрения жалобы ускорялся, если лишенец писал во ВЦИК или М.И. Калинин.

По материалам обработанного объема дел, основная часть лишенных избирательных прав (80%) проживала в сельской местности.

Из общего числа лишенцев 80% - мужчины и 20% - женщины (5). Причем половина последних - жены и родственницы служителей церкви, четвертая часть - псаломщицы и такая же доля - бывшие монахини.

Учитывая, что более половины женщин - лица старше 45 лет, а в 30% рассмотренных случаев, по содержанию документов, можно предположить, что с ходатайствами обращались женщины старших и средних возрастных групп, то основную часть составляют жены престарелых священников или бывшие монахини, отданные в монастыри в детстве, а после их закрытия, в начале 20-х годов, вернувшиеся к мирской жизни. Следовательно, в первую очередь правовые ограничения нала-

гались за причастность к семье священнослужителя. Ранг при этом значения не имел: будь то священник, псаломщик или церковный сторож. Необходимо также заметить, что "связь с церковью" во многих случаях могла быть давно в прошлом. К потенциальным врагам причислялись также бывшие монахи. Данный факт представляется совершенно нелепым, принимая во внимание, что они, как правило, имели семьи и были довольно далеки от религии. Возможно такую политику в отношении бывших послушниц монастырей породило представление о монастырском воспитании и образовании. Что касается псаломщиков, составляющих не основную по количеству группу, то они лишались права голоса независимо от того, было ли данное занятие основным для получения дохода или нет.

Распределение мужчин по должностям, занимаемым в церкви, представлено в таблице 1. В группу "другие" входят сыновья священников, азанча (должность в мечети), сторож в мечети, сектант. В ряде дел занятие лишенца конкретно не определено, а указано лишь общее наименование - "служитель религиозного культа". Такие случаи отнесены в последнюю графу. Наиболее многочисленные группы, как видно из таблицы, составляют псаломщики и священники. Причина заключается, видимо, в том, что это основные должности в церкви.

Таблица 1.

**Должности, занимаемые в церкви лицами, лишенными
избирательных прав, %**

Священник	24,6
Дьякон	9,8
Псаломщик	29,6
Мулла	8,6
Старообрядческий наставник	7,4
Другие	11,1
Не ясно	8,6

Что касается возраста мужчин-лишенцев, то учитывая отсутствие данных по этому показателю почти в половине дел,

наиболее распространенные возрастные категории - до 30 и от 40 до 49 лет. Как правило, основную часть здесь составляют псаломщики. Более старшие возрастные группы представлены чаще всего священниками.

Вопрос о получении оплаты труда за службу в церкви важен, т.к. по существующему законодательству, лишение избирательных прав должно было производиться в том случае, когда доходы от служения религиозному культу приносили основные средства существования. Личные дела содержат об этом довольно скудные сведения. Сами просители, чаще всего псаломщики, в заявлениях в основном, указывают, что плату за службу в церкви они не получали, а побудительным мотивом связи с церковной организацией называли любовь к пению (6). Иногда в жалобах подчеркивается, что основным источником доходов являлся крестьянский труд, а церковная служба - от нужды, дополнительный заработок, чтобы прокормить семью (7). Вторые представляются более правдивыми. Только в трех из рассмотренных дел имеются конкретные цифры: об оплате труда псаломщика - 25 копеек с одного рубля церковного дохода и о зарплате церковного сторожа - 75 и 38 рублей в месяц (8). В то же время, не вызывает сомнения, что дьяконы и священники получали основной доход за службу на религиозной ниве.

С рассмотренным вопросом тесно связан анализ причин службы в церкви. Информация об этом содержится в заявлениях лишенцев, а, следовательно, может быть недостоверной, учитывая цель просителя добиться восстановления избирательных прав. О названных причинах говорят около половины лишенцев. Эти данные можно дополнить сведениями о священниках, которые указывают, что закончили духовные училища или семинарии, а значит, служба в церкви являлась их профессиональным занятием. Кроме того, сан священника мог принять и бывший учитель (9). Чаще всего пытаются объяснить свою связь с церковной организацией псаломщики. Анализ их заявлений позволил выделить две причины: "из-за нужды" и "как любитель пения". Некоторые псаломщики говорят также о

просьбе общины заменить временно отсутствующего "штатного" исполнителя данных обязанностей (10). В ряде объяснений говорится, что ходатайствующий о восстановлении в избирательных правах стал священником или псаломщиком после того, как прежние ушли с белыми. Как правило, община предлагала занять эти должности грамотным односельчанам (11). С этим обстоятельством связаны и достаточно высокие образовательные показатели в личных делах. В то же время, мотивировка материальными затруднениями говорит о том, что в некоторых случаях в 20-е годы эта причина могла быть решающей для поступления на церковную службу. Только в двух делах просители говорят о своих религиозных чувствах и приверженности религии (12). Причем один из них демонстрирует знание и советских документов: "...ввиду данной В.И. Лениным свободы вероисповеданий и неимением работы решил поступить служителем культа и не предвидел, как впредь пойдет жизнь" (13). Насаждение в массовом сознании штампованных формулировок проявилось в такого рода объяснении: "по своей политической неграмотности занял место псаломщика" (14). Бывшие монахини, по их рассказам, обычно попадали в монастыри в детском возрасте, куда их отдавали родители, т.к. не могли прокормить.

Предыдущие характеристики можно дополнить сведениями о конкретном периоде и продолжительности службы в церкви. Данные об этом имеются более чем в половине рассмотренных личных дел, учитывая, что 11% изученных документов касаются родственников служителей религиозного культа. В 8% обследованных дел конкретные цифры и даты не названы, но анализ материалов позволил определить, что лишённые избирательных прав занимали определенные места в церкви только до 1917 года. Чаще всего это священники, монахини, и старообрядческие наставники. Одного из наставников старообрядческой церкви, например, лишили прав участвовать в выборах за то, что он в течение 1 года до революции исполнял указанные обязанности (15). 12% лишённых были связаны с религиозной службой как до, так и после 1917 года. Эту группу

также в основном составляют священники и бывшие монахи, которые после закрытия монастырей оставались при церкви, пели в церковном хоре, либо работали сторожами (16). Оставшаяся часть лишенных избирательных прав была причастна к религиозному культу и церковной организации в 20-е - начале 30-х годов. Из них менее одного года служили в церкви 4% лишенцев. Чаще всего это псаломщики, которых лишали избирательных прав за то, что они занимали названное место от 1,5 до 5 месяцев (17). В целом, от 1 года до 10 лет были причастны к церкви 40% лиц, лишенных избирательных прав. До 20 лет - 9% и только 2% - дольше 20 лет служили религиозному культу. Вероятно, здесь можно говорить о формировании в 20-е годы нового поколения служителей, т.к. старые, дореволюционные "кадры" были уже репрессированы либо по причине старости не могли исполнять прежние обязанности, а определенная часть священнослужителей покинула страну.

Еще один информационный спектр, который отражен в заявлениях лишенных избирательных прав, связан с так называемыми заслугами перед советской властью. Многие ходатайствующие о восстановлении прав не только объясняли причины связи с церковной организацией, но и пытались доказать свое согласие с проводимыми преобразованиями и причастность к строительству социализма.

Изучение документальных материалов показывает, что серьезным аргументом в пользу восстановления служила учительская деятельность до и после 1917 года. Проведение государственных мероприятий по ликвидации безграмотности убеждало людей и, в частности, лиц, лишенных избирательных прав, в поощрении всякого стремления к овладению новыми знаниями. Видимо, этим объясняется то, что в качестве положительных характеристик ходатайствующие называют учебу на каких-либо курсах: счетно-бухгалтерских, кройки и шитья, агротехников и др. (18). В надежде смягчить решение избиркомов, в заявлениях и ходатайствах упоминались и другие факты биографий. Так, 5% лишенцев имели билеты ударников, 3% участвовали в I мировой войне, 4% служили в Красной

Армии. Священники часто указывают на свой вклад в ликвидацию безграмотности. Кроме того, имеются сведения о профсоюзной работе (19), членстве в ВЛКСМ (20), участии в хлебозаготовках и организации гражданских праздников (21), работе в сельхозтовариществах и комитетах взаимопомощи (22). Один из лишенцев, работавший плотником в лесоотряде, в качестве собственной положительной характеристики отмечает: "пять лет проработал на производстве без прогулов, честно и добросовестно, всегда трезвый..." (23).

Как правило, ходатайствующие о возврате прав голоса оставили службу в церкви. Материалы личных дел позволяют рассмотреть вопрос об их социальной принадлежности на момент подачи заявления. В то время, как происхождение этих людей сложно установить достоверно, учитывая, что им выгодно было подчеркивать свои бедняцкие, крестьянские и рабочие корни. А "явные эксплуататоры" вряд ли обращались в советские органы власти с подобного рода просьбами.

Данные о социальных группах лишенцев рассматриваемой категории имеются не только в заявлениях, но и в прилагаемых документах - справках и характеристиках с мест работы. Информация по указанному показателю отсутствует в 13% дел. В основном это "отказные" дела, содержащие минимум документов, чаще всего лишь выписку из решения комиссии об отказе в восстановлении прав голоса.

Таблица 2.

Социальная принадлежность лишенных избирательных прав на момент подачи ходатайств о восстановлении, %

Крестьяне	36
Рабочие	20
Служащие	24
Кустари	3
Другие	4
Нет данных	13

Табл. 2 демонстрирует, что более трети лишенцев занимались крестьянским трудом, что соответствует месту их

проживания. 20% заполнили рабочие места на заводах, строительстве, участках железной дороги. Чаще всего это были должности чернорабочих, столяров, грузчиков, кочегаров и др. Люди, пытающиеся наладить собственное мелкое производство - сапожники, портные и т.п. - отнесены в группу "кустари". Они составляют всего 3%, что и понятно в период борьбы с частным предпринимательством. Наиболее образованная часть бывших служителей культа, священники и дьяконы, пополнила ряды учителей и совслужащих (делопроизводители, счетоводы, секретари и др.). Этой группе принадлежит почти четверть лишенцев. К категории "другие" отнесены домохозяйки, домработницы, а также неработающие по старости и инвалиды.

Для того, чтобы понять причину, почему лишенные избирательных прав так активно добивались их восстановления, необходимо рассмотреть вопрос о наказаниях и притеснениях лишенцев, которые сопутствовали административному запрету участвовать в выборах. Документы личных дел показывают, что так называемая "временная мера", которая должна была способствовать укреплению новой власти, обернулась трагедией для сотен тысяч людей. Лишенец - это своего рода клеймо, которое, ставилось как на самого бывшего служителя религиозного культа, независимо от периода и степени участия в жизни церкви и распространении религиозного вероучения, так и на его ближайших родственников.

Анализ документальных материалов позволил выделить несколько санкций, следовавших за лишением прав участвовать в выборах: увольнение с работы (самого лишенца, если он наказан за "прошлые грехи", и его ближайших родственников), обложение крестьянских хозяйств индивидуальным сельхозналогом (как правило, непосильным, ведущим к разорению хозяйства), демобилизация к трудовую армию. Информационный потенциал личных дел в данном контексте очень высок. Он позволяет не только провести персонифицированное исследование, но и детально изучить репрессивные механизмы, основанные на политике ограничения избирательных прав, оценить

влияние этой политики на сознание различных категорий граждан.

По результатам исследования, в 64% личных дел просьба заявителя о восстановлении в избирательных правах удовлетворена, в 31% - нет, в 7% личных дел окончательное решение не ясно.

Исследование документов личных дел заставляет прийти к выводу, что вопрос о лишении и восстановлении избирательных прав решался достаточно формально. Основное значение для зачисления в категорию лишенцев имели факты службы в церкви, независимо от должности, периода и продолжительности, а для восстановления - наличие 5 лет "общественно-полезного труда" после ухода из церковной организации. Но при этом труд крестьянина-единоличника в собственном хозяйстве, сапожника в кустарной мастерской, продажа личного рукоделия, несение службы в трудовом ополчении таковым трудом не считались. Не учитывались также конкретные обстоятельства, стремление отдельных людей (искреннее или вынужденное) принимать участие в мероприятиях новой власти, их восприятие новых идеалов, отсутствие возможности по причине преклонного возраста или болезни устроиться на службу и т.д. Возможно, цель политики ограничения избирательных прав заключалась не только в том, чтобы ликвидировать потенциальных, формальных и явных врагов. Так или иначе, деятельность советских органов по выполнению инструкции о выборах вносила свою лепту в разрушение и гибель крепких крестьянских хозяйств, формирование атмосферы страха, полной зависимости от властей. Вокруг людей, которым было отказано участвовать в выборах, искусственно создавалась атмосфера враждебного отчуждения. Они испытывали на себе не только материальные притеснения, но и осязаемый моральный гнет. Именно такое духовное состояние отражено в одном из заявлений: "Сознавать себя общественно чуждым элементом и вредным для службы детей лицом очень тяжело... жизнь моя уже на закате, но дети достойны того, чтобы быть ограждены в своей работе от неприятностей и

сложностей, которые могут возникнуть при обнаружении их социального происхождения" (24).

Можно также утверждать, что лишение избирательных прав за связь с религиозным культом являлось одной из мер борьбы против религии и церкви в целом. В результате складывалась такая ситуация, когда сокращалось число священнослужителей, вынужденных оставлять службу в церкви, и прихожан, опасавшихся быть уличенными за связи с опальной организацией. Запрет на профессию высвобождал рабочие руки для воплощения в жизнь планов индустриализации.

Примечания

1. Новый мир.1994.№8.С.192.
2. ГАСО.Ф.Р-88. Оп.8. Д.585; 1916; Ф.Р-286.Оп.3.Д.334.
3. Там же. Д.260.
4. Там же.Ф.Р-88.Оп.8.Д.1325;1380.
5. Здесь и далее подсчеты осуществлены на основе обработки материалов личных дел лишенцев.
6. ГАСО.Ф.Р-88.Оп.8.Д.858.
7. Там же. Д.588.
8. Там же. Ф.Р-286.Оп.3.Д.281,320;Ф.Р-88.Оп.8.Д.1387.
9. Там же. Д.1325.
10. Там же. Д.1436.
11. Там же. Д.1020.
12. Там же.Ф.Р-286.Оп.3.Д.281; Ф.Р-88.Оп.8.Д.1380.
13. Там же. Д.1380.Л.37(об.)
14. Там же.Д.783.
15. Там же. Д.1173.
16. Там же.Д.1387.
17. Там же.Д.1049.
18. Там же.Д.879, 956, 1172; Оп.7. Д.412.
19. Там же. Д.220,451.
20. Там же. Ф.Р.-286.Оп.3.Д.382.
21. Там же.Ф.Р-88.Оп.7.Д.424;Оп.8.Д.1380.
22. Там же. Оп.7.Д.306; Оп.8.Д.1049.
23. Там же. Д.1380.Л.29.
24. Там же.Ф.Р-286.Оп.3.Д.386.Л.9.